

МЕРЕЖКОВСКИЙ И

-Ну, пожалуйста, я могу рассказать, как я ем бифштекс или делаю зарядку. Но о личной, интимной жизни не буду рассказывать.

— А, собственно говоря, почему?
— А потому, что у меня дети и жена.
— Про вашу жену практически ничего не известно широкой публике. Чем она занимается?

— Раньше работала в институте Вишневского биологом в одной из лабораторий. С тех пор, как родился Ваня, — дома.

— Как вы познакомились?
— Мы, четверо выпускников Львовского полиграфического института, приехали работать в Ростов-на-Дону. Как-то услышали, что местные ребята по вечерам выходят на «Бродвей» любоваться на какую-то Тамару Захарову. Вышли и мы посмотреть: она оказалась девочкой потрясающей красоты. Я сразу и бесповоротно влюбился. Ей было 15 лет, а мне 25.

— Ваш роман был долгим?
— Он длился пять лет. Я поступил во ВГИК и на втором курсе приехал в Ростов, чтобы на ней жениться.

— А если я спрошу: у вас были романы помимо брака?
— А если я отвечу «да», что изменится?

— Вы не станете хвастаться своими победами?
— Я же не полководец. Кому какое дело, за кем ухаживал я, а кто за мной ухаживал...

— Говорят, основная причина разводов в том, что человеческие отношения имеют свойство изнашиваться.

— Человеческие отношения — это все же не штаны. Их можно не изнашивать даже за всю жизнь. Просто их надо вовремя из одного качества переводить в другое: сначала страсть, потом привыкание, а когда появляются дом и дети — взаимные обязательства, привязанность, благодарность и стремление не разрушить то, что создано.

— А у вашей жены не было порывов к разрушению семьи, проще говоря, романов?

— Думаю, нет. Во всякой семье бывают ссоры, но порывы к разрушению были только у меня. Скажем так: чаще я ее этим пугал, чем она меня.

— Второго ребенка вы родили довольно поздно. Это попытка обновления отношений?

— Нет. У нас, по крайней мере. Скорее это называется — Бог дал. Мы ребенка не планировали. И даже (мне не очень приятно сейчас об этом говорить) у меня были сомнения. К счастью, жена их не слушала. Сейчас Ваня такой красавец вырос, выше меня на восемь сантиметров, плечи широченные... А было трудно, конечно. Дочка Маша

подросла к тому моменту, когда он родился, был как-то установлен, а тут опять пеленки, опять коляска, опять детский сад, первый класс и так далее.

— Довольно трудно представить вас с коляской.

— А у меня фотографии есть. Я всегда очень любил своих детей и старался посвящать им достаточно времени. Когда Ваня был маленький, у него ножки были кривоватые, колесом. Так бабки во дворе мне кричали: «Дед, ты бы внука на солнце оттащил — ничего не понимаешь!» У меня борода уже седая была, и я им старым казался.

— Что это за бабки во дворе престижного кооператива «Драматург»?

— Это бабки из соседних домов у нас такие. Когда дом только построили и начали заселять, я слышал такой разговор: «Махину отгрохали, весь свет загорели. Ты там была?» — «Была. Все богато, на каждом этаже бассейн, и в нем явреи плавают!» Я так и не понял, почему «явреи»? Да еще плавают...

— Потому что богатые. Ну, насколько мне известно, бассейна у вас нет, зато есть мастерская. Ваша жена не ревнует вас к той жизни, что проходит без нее в мастерской? По слухам, она весьма бурная...

— Мастерская для человека моей профессии — это прежде всего возможность иметь свое рабочее место и не превращать дом в редакцию. И только умная женщина понимает, что лучше жить немного отдельно друг от друга. Ведь все женщины по натуре собственницы. Им подсознательно хочется, чтобы мужчина был все время рядом, на глазах — на всякий случай. И примириться с мужской независимостью может далеко не каждая. Моя жена спокойно относится к тем дням и ночам, которые я провожу в мастерской.

— Много ли у вас приемов охранять свою свободу от вторжения посторонних людей?

— Очень. Я только этим и занимаюсь. У меня нет протяженных отноше-

ний — ни с друзьями, ни с подругами. К сожалению.

— Вам удается полностью обходиться без друзей?

— Не полностью. Я бы назвал Юлика Гусмана — нас связывает девять лет очень тесной совместной работы в Доме кино. И еще Георгия Мыльников, режиссера мало кому известного, снявшего две картины. Но Мыльникова я не видел уже года три.

— Однако круг общения у вас более чем широкий.

— Да — приятели, тусовка, деловые связи. Не буду скромничать, я достаточно легко завоевываю любовь людей. В любых сферах. Но прелесть этих отношений в том, что они проходят по касательной к сфере моей жизни.

— Чем вы объясняете свой успех среди людей?

— Я никого не обманываю: не обижая, не интригую и никому не оказываю глубоких знаков внимания. Всегда стараюсь быть веселым, своим, легким, обязательным. Но — обязательным до определенного предела, пока это не ущемляет мои личные интересы.

— Герой Янковского из «Полетов во сне и наяву», помнится, еще любил розыгрыши. А вам что больше нравится — анекдоты или розыгрыши?

— Розыгрыши. Для них нужно больше ума и таланта, чем для анекдотов.

— Расскажите, как вы кого-нибудь разыграли.

— Я умею говорить с разными акцентами — кавказским, украинским, прибалтийским и даже иностранно-американским. В 1976 году была одна из первых моих поездок в Америку в очень хорошей компании: Ширвиндт, Инин, Швейцер Михаил Абрамович, Евгений Крылатов, Лида Шукшина. Там я разыграл Лиду. Известно, что в старые добрые времена все советские туристы из зарубежных гостиниц увозили с собой казенное мыло и туалетную

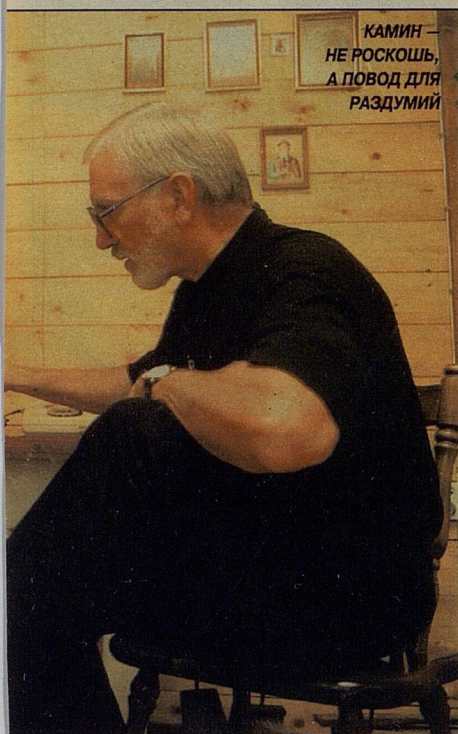
бумагу. Я позвонил из своего номера в номер Шукшиной от имени администратора отеля и спросил по-русски, но с сильным акцентом: «Почему вы воруете у нас туалетную бумагу?» Она, смутившись, ответила: «Это сувенир, на память». Администратор ее начал страшать, что сувениры надо покупать в магазине и что сейчас он пройдет с проверкой по всем номерам нашей группы и выяснит, все ли находится на своих местах. Лида стала всех предупреждать, что начался «шмон», и пока я с ней не заговорил со знакомым акцентом, не могла поверить, что это розыгрыш.

— *Этому розыгрышу уже 20 лет. Вы по-прежнему практикуете?*

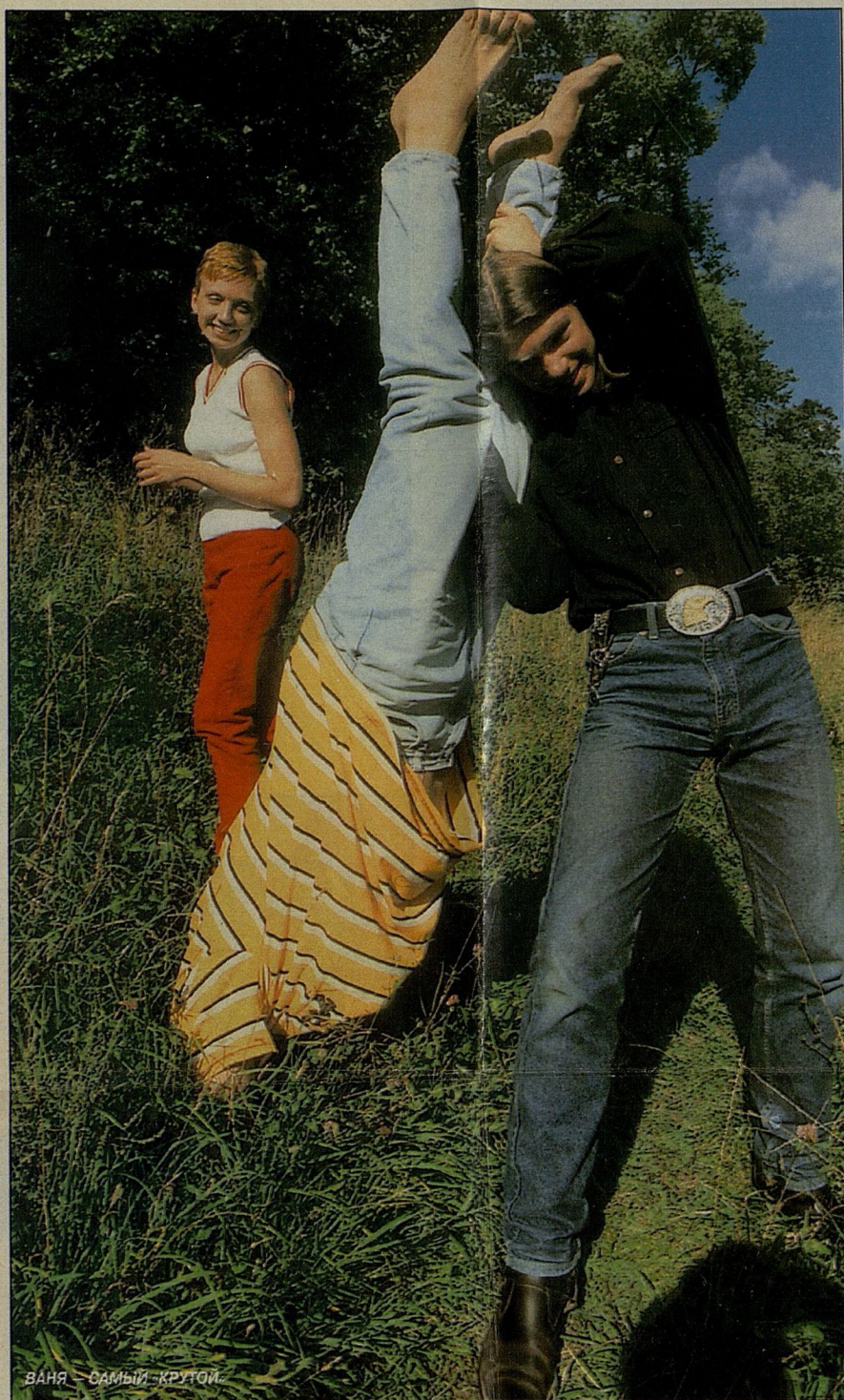
— Практикую, но все реже и реже. И теперь это чаще всего бывает в связи с

МАША
У НАС
САМАЯ
МАЛЕНЬКАЯ

КАМИН —
НЕ РОСКОШЬ,
А ПОВОД ДЛЯ
РАЗДУМИЙ

ВАНЯ — САМЫЙ КРУТОЙ

моими общественными обязанностями. Например, чтобы привлечь внимание к фестивалю «Киношок», первую пресс-конференцию мы с директором фестиваля Ириной Шевчук провели в клинике Кашенко, изображая из себя психбольных. Кстати, на меня там набросилась обезьяна: мы ее специально привезли из Уголка Дурова, и она сидела очень смиренно, пока мне не пришлось в голову ее погладить — тут она заорала дурным голосом и тып меня по щеке... Знаете, на розыгрыши нет уже ни сил, ни времени. В моей жизни вообще приходится улыбаться чаще, чем в этом есть реальная потребность. Напряжение мышц лишний раз совершать уже не хочется.

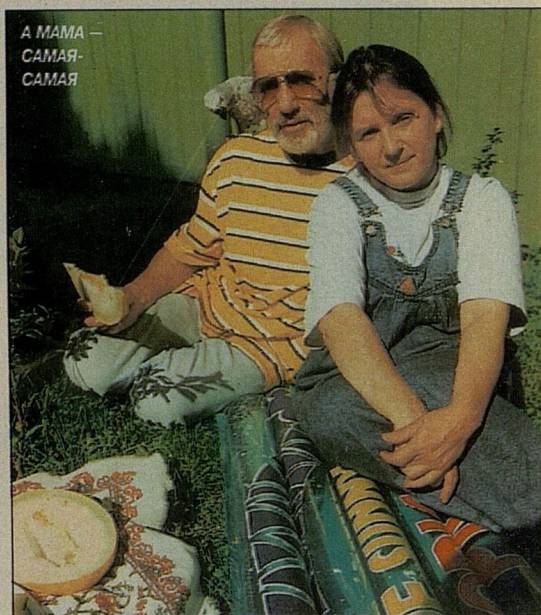
— *А вот американцы от этого напряжения вроде бы не устают.*

— Американцы улыбаются на расстоянии, каждый четко держит дистанцию и не затрачивает на радость при встрече много усилий. У нас же все иначе: а! старик! здорово! как живешь! — и

крепкий мужской поцелуй. Даже наш извечный пьяный вопрос звучит так: ты меня уважаешь? Когда в Америке появляется такой фильм, как «Человек дождя», его тут же называют «русским» фильмом.

— *Но вы-то человек исконно русский и тем не менее просто олицетворяете успех. Ваш имидж — человек успеха, а не «человек дождя».*

— А я и без имиджа — человек успеха. Может, поэтому я в своих сочинениях, описывая ситуации, где человек незащищен, приперт к стенке обстоятельствами, компенсирую свою «нерусскость», защищенность. Я у Мережковского вычитал, что наши прадеды родом из одного села на Украине. И фамилия у них была Мережко. Я не примазываюсь ему в родственники, но известно, что Мережковский был человеком закрытым, крайне независимым и очень педантичным. В этом у нас с ним действительно большое сходство. Даже в характерах. Я не переношу бес-

А МАМА —
САМАЯ-
САМАЯ

порядка ни в чем — ни в душе, ни в визуальной среде, ни в своем распорядке дня. Если я не сделал 50-минутную зарядку, не убрал за собой в мастерской, не надел свежую рубашку, не привел в порядок мысли, то весь день буду не в своей тарелке.

— *Зарядку стали делать, чтобы «убеждать от инфаркта», или раньше?*

— Я ее делаю с молодых лет. Мне всегда нравилось видеть себя крепким, накачанным, сильным. Для меня это очень важно — ощущение своего тела. Потом у меня же масса спортивных разрядов: по боксу, по штанге, по прыжкам, по метанию копья, по бегу. Я никогда не стремился стать выдающимся спортсменом, но иметь гармоничное сложение хотел всегда. И имею.

— *Вы — религиозный человек?*

— Конечно. Я вышел из патриархальной сельской семьи. Нас с детства учили креститься на икону, молиться перед едой. Правда, только сейчас я стал достаточно регулярно ходить в церковь, чтобы поучаствовать в службе, исповедаться, причаститься.

— *Вам легко сформулировать свои грехи на исповеди?*

— Что ж в этом трудного? Гордыня. Тщеславие. Несдержанность. Жадность. Злоба.

— *Расскажите самый дурацкий случай, происшедший в вашей жизни из-за тщеславия.*

— Почему-то во ВГИКе мне пришла в голову бредовая идея организовать хоккейную команду. А до этого я в своем селе в детстве катался только на «снегурках», привязанных к валенкам. Мне показалось, что этого опыта достаточно. Создать команду мне удалось без труда. И только тогда, когда пришла пора выходить на лед, чтобы сыграть против команды другого института, я выяснил, что не могу даже удержаться на коньках. Так что капитана команды мотало от бортика к бортику, как матроса во время шторма. Пришлось уходить на четвереньках. Это был хороший урок.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ